

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

НОРА РОБЕРТС

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ДЕЛА

Завораживает. Поражает.
Бодрит и вдохновляет.
The New York Times

Нора Робертс

Незавершенные дела

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6707130
*Незавершенные дела: роман / Пер. с англ. К.А. Ерьсько.:
Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-04759-5*

Аннотация

Свои амбиции мистер Секстон, в прошлом не слишком удачливый музыкант, намеревался удовлетворить за счет карьеры дочери. Ванессе было шестнадцать лет, когда он увез ее в Европу от матери и от Брэди Такера, молодого человека, в которого девушка была отчаянно влюблена. Труды отца оправдались. Двадцативосьмилетняя пианистка Ванесса Секстон – лауреат многих международных премий, выступает на лучших сценах мира, но при этом одинока и несчастлива. Однажды она возвращается в родной город с единственной целью – понять, почему мать отпустила ее от себя и за двенадцать лет ни разу о ней не вспомнила, а Брэди так внезапно исчез в памятный вечер выпускного бала...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Нора Робертс

Незавершенные дела

Unfinished Business

Copyright © 1992 by Nora Roberts

«Незавершенные дела»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

©Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

©Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

«Что я тут делаю?» – спрашивала себя Ванесса, проезжая по Мейн-стрит. За двенадцать лет сонный городок Хайтаун, в предгорьях Блу-Ридж в штате Мэриленд, почти не изменился. Город окружали фермерские угодья, раскинувшиеся по холмам, и густые леса. Яблоневые сады и дойные коровы подбирались к его границам, внутри которых не было ни светофоров, ни офисных зданий, ни шума машин. Зато были крепкие старые дома, большие дворы и хлопающее на ветру белье. Ванесса с удивлением и почти с облегчением отметила, что все осталось как было. Разбитый асфальт бугрился под натиском корней дубов, чьи кроны едва начинали зеленеть. Повсюду желтела форсития, и азалия уже была готова взорваться буйным цветом. Крокусы, ранние вестники весны, успели померкнуть в тени нарциссов и первых тюльпанов.

В этот субботний день местные жители, как всегда, обихаживали свои огороды и газоны. Некоторые поднимали голову и, наверное, удивлялись появлению незнакомой машины. Изредка кто-то махал рукой, но не потому, что узнавал ее, а по привычке – чтобы затем снова уткнуться в грядку или взяться за газонокосилку. В открытое окно влетали запахи свежескошенной травы, гиацинтов и влажной земли. Жужжали косилки, лаяли собаки, смеялись и кричали дети. Два

старика в бейсболках, клетчатых рубашках и рабочих штанах стояли у городского банка и, судя по всему, чесали языки. Компания мальчишек на велосипедах, пыхтя, взбиралась на холм, скорее всего, торопилась в магазин Лестера за газировкой и конфетами. Сколько раз Ванесса ехала той же дорогой на своем велосипеде. Лет сто тому назад.

При этой мысли она почувствовала знакомый ком в желудке. «Так что же я здесь делаю?» – снова задалась она вопросом, нащупывая в сумочке пузырек с таблетками карбоната кальция от изжоги. Ванесса, в отличие от этих мест, изменилась. Порой она сама себя не узнавала. Ей хотелось верить, что она делает правильный шаг, вернулась домой. Нет, не так. Она не знала, здесь ли ее дом. И даже хочет ли она, чтобы здесь был ее дом. Она уехала отсюда, когда ей едва исполнилось шестнадцать. Отец увез ее с этих тихих улочек, и у нее началась бесконечная череда занятий и выступлений. Сменялись города – Нью-Йорк, Чикаго, Лондон, Париж, Бонн, Мадрид. Она кружилась в удивительном водовороте впечатлений. И музыки. К двадцати годам, не без помощи пробивной силы своего отца, она стала самой успешной молодой пианисткой страны. В восемнадцать она выиграла престижный конкурс Вэна Клайберна, обойдя соперников десятью годами старше себя. Она выступала в королевских домах и обедала с президентами. Благодаря своей целеустремленности она прославилась как блестящая и темпераментная артистка – сексапильная и неистовая Ванесса Сек-

стон.

Теперь, когда ей исполнилось двадцать восемь, она возвращалась в город своего детства, где жила ее мать, которую она не видела двенадцать лет.

Ванесса подъехала к дому. Изжога не отступала, но она так привыкла к жжению в желудке, что почти не замечала его. Каменный дом, как и весь город, почти не изменился. Ставни были недавно выкрашены в глубокий синий цвет. Вдоль дороги росли пионы – пора их цветения наступит через месяц-два, а под самым домом набухли бутоны азалий.

Ванесса сидела, вцепившись в руль и борясь с отчаянным желанием уехать прочь. Проехать мимо. Довольно она поддавалась эмоциям. Она дошла до того, что после своего последнего концерта в Вашингтоне купила «мерседес» с откидным верхом и сорвалась на нем сюда, отказавшись от десятка последовавших приглашений. Совершенно неожиданно для себя. Ведь вся ее жизнь была расписана до мелочей, все действия просчитаны заранее. Импульсивная от природы, она понимала, как важно в жизни придерживаться распорядка. С ее приездом сюда, бередящим старые раны и воспоминания, весь распорядок пошел вразнос. И все же если она сейчас повернет обратно, убежит, она никогда не получит ответов на вопросы – вопросы, которых она сама до конца не понимала.

Усилием воли оборвав мысли, Ванесса вышла из машины и открыла багажник, чтобы достать вещи. Ничего, – если ей

не понравится, она тут же уедет. В конце концов, она взрослая состоятельная женщина, привыкшая к разъездам. Если она захочет, чтобы у нее был дом, она сможет устроить его там, где пожелает. Ее отец умер полгода назад, ее ничто и нигде не держит. Здесь ей нужно кое-что выяснить, и она свободна.

Несколько шагов по тротуару и пять ступенек вверх. Сердце в груди бешено билось, но она держалась прямо, как ни в чем не бывало. Отец запрещал ей горбиться. «Подать себя, – учил он, – не менее важно, чем подать музыку. Плечи выпрямить, подбородок вверх».

Когда дверь распахнулась, она так и остолбенела, а ноги будто вросли в землю. В дверях стояла ее мать. В голове Ванессы пронеслись кадры прошлого. Вот она, гордая, бежит по этим ступеням навстречу ожидающей ее матери, первый раз из школы. Вот она, хныча, хромает домой, упав с велосипеда, а мать протирает ей царапины и целует больные места. Вот она почти танцуя взбегает на крыльцо после первого свидания – мать, понимающе взглянув на нее, не задает вопросов.

В последний раз она была на крыльце одна. Но тогда она не возвращалась домой, а уходила из дома. Мать не проводила ее, не помахала на прощание.

– Ванесса.

Лоретта Секстон стояла сцепив руки на груди. В ее темно-каштановых волосах не было заметно седины. Волосы бы-

ли короче, чем помнила Ванесса, и пушистыми прядями лежали вокруг ее нежного округлого, совсем без морщин, лица. Мать как будто уменьшилась в размерах. Нет, не усохла, но как-то подтянулась, похудела, помолодела даже. Ванесса вспомнила, что отец в последнее время совсем исхудал и превратился в старика.

Первым желанием Лоретты было броситься и обнять свою дочь, но она не смогла. Женщина, что поднялась на крыльцо, совсем не была похожа на ту девочку, которую она потеряла и о которой тосковала. «Она похожа на меня, – решила Лоретта, сдерживая слезы. – Она, конечно, сильнее, увереннее в себе, но она вся в меня».

Собравшись, будто ей предстоял выход на сцену, Ванесса поднялась по скрипучим ступеням. Они были почти одного роста, о чем обе, кажется, забыли. Их глаза – дымчато-зеленого цвета – встретились. Они стояли рядом, почти касаясь друг друга.

– Спасибо, что позволила мне приехать, – проговорила Ванесса, ненавидя себя за свой натянутый тон.

– Я всегда тебе рада. – Лоретта прочистила горло, чтобы голос не дрожал от волнения. – Жаль, что так случилось с отцом.

– Да. А ты прекрасно выглядишь.

– Я... – Лоретта не знала, что и ответить. Что тут сказать? Двенадцать потерянных лет ничем не вернешь. – А... много было машин?

– Нет. После Вашингтона уже немного – прокатилась с ветерком.

– Но ты все равно, наверное, устала с дороги. Идем в дом. «А она сделала ремонт», – тупо подумала Ванесса, следуя за матерью. В комнатах стало светлее и просторнее. Внушительность сменил уют. Она помнила строгие темные обои и ковры. Теперь повсюду были теплые пастельные тона, светлое сосновое дерево и цветные коврики на полу. Мебель – по виду антикварная – была тщательно подобрана. В комнатах пахло цветами. «Это дом женщины, – вдруг поняла Ванесса. – Женщины со средствами. И со вкусом».

– Тебе, наверное, хочется сначала подняться наверх, распаковать вещи, – Лоретта остановилась на лестнице у колонны, – если только ты не очень голодна.

– Нет, не очень.

Лоретта кивнула и стала подниматься.

– Думаю, тебе понравится твоя комната. Я тут все слегка обновила.

– Я вижу, – без выражения отвечала Ванесса.

– Твое окно по-прежнему выходит на задний двор.

– Да, я помню.

Лоретта открыла дверь, и они вошли в комнату. Конечно, ее мягких игрушек, кукол в неряшливых одежках, плакатов и грамот в рамках, украшавших стены, и след простыл. Не было ни ее узкой кровати, ни стола, за которым она зубрила французские глаголы и теоремы по геометрии. Ее бывшая

детская стала обычной гостевой комнатой – обои цвета слоновой кости со светло-зелеными узорами, петунии на окнах. Появилась новая кровать со столбиками под прозрачно-голубым пологом и пухлые подушки. На элегантном столике времен королевы Анны в стеклянной вазе стояли ветки фрезии, чаша на комодѣ источала аромат цветочных лепестков.

Лоретта нервно прошлась по комнате, без нужды одернула полог, смахнула воображаемую пыль с комода.

– Надеюсь, тебе здесь будет удобно. Если что-нибудь понадобится, не стесняйся сказать.

У Ванессы было чувство, что она поселяется в элегантную дорогую гостиницу.

– Чудесная комната, спасибо, – сказала она.

– Хорошо. – Лоретта сцепила руки, жаждущие прикоснуться, обнять. – Помочь тебе распаковать вещи?

– Нет. – Отказ прозвучал так поспешно, что Ванесса заставила себя улыбнуться вслед, чтобы сгладить резкость своего ответа. – Я сама справлюсь.

– Что ж... Ванная...

– Я помню.

Лоретта с беспомощным выражением взглянула в окно.

– Конечно. Если тебе что-нибудь понадобится, то я внизу. – Вдруг она шагнула к Ванессе, сжала ее лицо в ладонях и проговорила: – Добро пожаловать домой. – И тут же выскочила из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Оставшись одна, Ванесса села на кровать и прижала ла-

донь к животу – горящие мышцы желудка стянуло узлом. Она снова огляделась. Почему же в городе почти ничего не изменилось, кроме ее комнаты? Хотя люди, наверное, изменились: снаружи они были те же, а внутри другие. Как и она. Насколько, интересно, она отличается от той девочки, что когда-то жила здесь? Узнала бы она себя? Захотела бы узнать?

Она встала и подошла к зеркалу-псише в углу. Ее отражение было ей хорошо знакомо. Перед каждым выходом на сцену она внимательно себя рассматривала, желая убедиться, что она само совершенство. Этого от нее ожидали. Волосы она убирала наверх или назад, никогда не оставляя распущенными. Макияж был скромным, концертный костюм изысканным и элегантным. Таков был образ Ванессы Секстон.

Сейчас ее темно-каштановые, как у матери, волосы слегка растрепались от ветра, но это не важно, ведь никто ее не видел и не смог бы за это осудить. У глаз залегли прозрачные усталые тени, но в этом не было ничего необычного. Утром она тщательно накрасилась, слегка подчеркнув румянами свои высокие скулы над полным серьезным ртом. В дорогу она надела короткий узкий пиджак и пышную юбку перламутровых тонов. Пиджак, пожалуй, стал ей широк в талии – в последнее время аппетит был неважный.

Уверенная в себе, собранная, взрослая. Это тоже был образ. Жаль все-таки, что невозможно повернуть часы назад и

увидеть себя такой, какой она была в шестнадцать лет. Полная надежд, мечтаний, музыки – вопреки сгущавшимся в доме тучам. В детстве ей часто приходилось укрываться в этой комнате...

Перебрав свои вещи в третий раз, Ванесса напомнила себе, что она давно уже не ребенок. Не для того ли она пришла, чтобы наладить отношения с матерью? А этого нельзя сделать, сидя в своей комнате и предаваясь воспоминаниям.

Спускаясь по лестнице, Ванесса услышала где-то в глубине дома звуки радио. «Это на кухне», – вспомнила она. Мать любила популярную музыку, предпочитая ее классике, что раздражало отца. Сейчас звучала одна из старинных баллад Элвиса Пресли – грустная и басовитая тема. Идя на звуки, Ванесса остановилась в дверях комнаты, где проходили ее музыкальные занятия.

Старый концертный рояль исчез, как и большой массивный шкаф, вмещавший огромное количество нот. Вместо них появились тонкие хрупкие стулья с расшитыми сиденьями, в углу красивый старинный чайный столик, на котором стоял горшок с вьющимся зеленым растением, акварели в узких рамках на стенах и викторианский диван на гнутых ножках под окнами.

Впрочем, центральным предметом в комнате было, конечно, небольшое элегантное пианино-спинет розового дерева. Ванесса, не удержавшись, подошла к инструменту и тихо взяла несколько аккордов. По жесткому отклику клавиш

она догадалась, что пианино совсем новое. Мать, наверное, купила его, когда получила письмо с известием о ее приезде. Что это было? Попытка сократить двенадцатилетний разрыв? Не так-то это просто. Ванесса потеряла виски, чувствуя приближение головной боли. Они обе это знали. Она повернулась и пошла на кухню.

Лоретта украшала готовый салат листочками зелени. Ванесса помнила, что мать любит, чтобы все было красиво. Любит тонкие хрупкие вещицы. На кухне у нее были вязаные подстаканники, бледно-розовая сахарница и набор посуды из цветного стекла времен Великой депрессии. В открытое окно влетал легкий ветерок, колыша прозрачные занавески над мойкой.

Мать обернулась, взглянув на Ванессу подозрительно красными глазами, улыбнулась и произнесла четким голосом:

– Даже если ты не голодна, от салата и чая со льдом ты не откажешься, я надеюсь?

– Спасибо, – улыбнулась в ответ Ванесса. – Дом – чудесный. Мне кажется, в нем стало больше места, хотя говорят, что, когда становишься старше, вещи, наоборот, уменьшаются.

Лоретта выключила радио. Напрасно она это сделала, ибо теперь они остались вдвоем в тишине.

– Раньше здесь было слишком много темных тонов, – сказала Лоретта, – и громоздкой мебели. Зайдешь, бывало, в

комнату, а мебель на тебя давит, словно выталкивает обратно. – Она вдруг неловко осеклась. – Кое-что я оставила, в основном бабушкины вещи. Они на чердаке. Вдруг, думаю, они понадобятся тебе.

– Может быть, когда-нибудь, – неопределенно ответила Ванесса, садясь за стол.

Мать положила ей в тарелку разноцветный салат.

– А где рояль?

– Я его продала. – Лоретта потянулась за чайником. – Давно уже. Глупо было бы держать его в доме, когда никто на нем не играет. Да и вообще – я его терпеть не могла. Ах, извини! – спохватилась она.

– Ничего, я все понимаю.

– Вряд ли. – Лоретта пристально взглянула на дочь. – Я думаю, тебе этого никогда не понять.

Ванесса пока не была готова вести столь серьезные разговоры, и потому она промолчала, беря вилку.

– Надеюсь, тебе понравилось пианино. Я-то в них не разбираюсь.

– Да, понравилось. Прекрасный инструмент.

– Бывший его хозяин говорил мне, что это самая лучшая модель. А я знала, что тебе нужно заниматься, вот и купила. Но если оно тебя не устраивает...

– Нет-нет, все в порядке.

Они ели молча, пока Ванесса не вспомнила о вежливости.

– Город совсем не изменился, – начала она непринужден-

ным тоном. – Миссис Гейнор на углу еще жива?

– Еще как, – с облегчением затараторила Лоретта, – ей уже восемьдесят, но она каждый день в любую погоду ходит на почту за газетами и обратно. Брекенриджи уже пять лет как подались отсюда куда-то на юг, а дом продали. Там теперь живет семья с тремя детьми – хорошие люди. Младший в этом году пошел в школу – говорят, толковый паренек. А Рика Хобакера помнишь? Ты его нянчила.

– Помню-помню: это чудовище с рогаткой сводило меня с ума за доллар в час.

– Он самый, – хохотнула Лоретта. – Его приняли в колледж на стипендию.

– Просто не верится.

– Он заходил повидаться на Рождество. Спрашивал о тебе. – Лоретта прочистила горло. – А Джоани здесь осталась.

– Джоани Такер?

– Теперь она Джоани Найт. Три года назад вышла замуж за Джека Найта-младшего. У них чудесный ребенок.

– Джоани, – пробормотала Ванесса. Джоани Такер была ее лучшей подругой с тех пор, как она себя помнила, – ее наперсницей, которой плакалась в жилетку, ее сообщницей в проделках. – У нее ребенок...

– Да, девочка Лара. Они живут на ферме неподалеку. Вот она обрадуется, если ты приедешь.

– Наверное. – Впервые за целый день у Ванессы проснулись какие-то чувства. – Я, пожалуй, съезжу к ней. А ее ро-

дители? Как они поживают?

– Эмили уж восемь лет как умерла.

– Ой... – Эмили Такер была лучшей подругой матери, как Джоани была ее лучшей подругой. – Извини.

Лоретта потупилась, глядя на свои руки.

– Мне до сих пор ее не хватает.

– Женщины добрее ее я не знала. Жаль, что... – Она не договорила, понимая, что время сожалений прошло. – А доктор Такер? Как он?

– Неплохо. – Лоретта заморгала, прогоняя слезы. – Дети, работа... В общем, он справился. Он тоже будет рад видеть тебя, Ван.

Ванесса и не помнила, когда ее в последний раз так называли, и это ее даже тронуло.

– Он все так же принимает у себя дома?

– Конечно. А ты совсем ничего не ешь.

Ванесса заставила себя проглотить немного салата.

– Почему же ты не спрашиваешь о Брэди? Неужели тебе неинтересно?

– Нет, – поморщилась Ванесса, ковыряя вилкой в тарелке. – Не особенно.

Лоретта узнала эту гримасу – надутые губы, складку меж бровей, и на сердце у нее стало теплее.

– Брэди Такер пошел по стопам отца.

Ванесса едва не поперхнулась.

– Неужели он тоже врач?

– Да, и переехал в Нью-Йорк. Состоит консультантом в нескольких клиниках. Мне Хэм рассказывал.

– Вот это да! Я-то думала, он пойдет коровам хвосты крутить или сядет в тюрьму.

Лоретта рассмеялась:

– Он теперь уважаемый человек. Все такой же красавчик – высокий, темноволосый. Это всегда не давало ему жить спокойно.

– И другим тоже, – пробормотала Ванесса, а ее мать улыбнулась и сказала:

– Он никому не сделал зла. Разве что родителям помотал нервы. Но о сестре он всегда заботился – вот это мне в нем нравилось. А уж за тобой как ухлестывал!

– Брэди бегал за каждой юбкой! – фыркнула Ванесса.

– А Эмили говорила мне, что когда ты... когда вы с отцом уехали в Европу, он места себе не находил, слонялся по дому как неприкаянный несколько недель.

– Это было давно! – отмахнулась Ванесса, давая понять, что продолжать этот разговор она не собирается.

– Я сама помою посуду. – Лоретта начала собирать тарелки. – А ты, может быть, сыграешь что-нибудь? Мне бы хотелось услышать, что ты снова играешь здесь, в этом доме.

– Хорошо. – Ванесса шагнула к дверям.

– Ван?

– Да?

Интересно, назовет ли она ее когда-нибудь мамой.

– Я хочу, чтобы ты знала, что я очень горжусь твоими достижениями.

– Вот как?

– Да. – Лоретта внимательно посмотрела на дочь, жалея, что у нее недостает смелости обнять ее. – А у тебя какой-то несчастный вид.

– Я вполне счастлива.

– А если нет – ты ведь не скажешь?

– Вряд ли. Мы ведь совсем друг друга не знаем.

«Что ж, по крайней мере, это честно, – подумала Лоретта. – Больно, но без обмана».

– Надеюсь, до твоего отъезда мы успеем познакомиться поближе.

– Я приехала, чтобы получить ответы на некоторые вопросы, но я пока не готова их задать.

– Ничего, мы подождем, Ван. И поверь: я всегда желала тебе самого лучшего.

– И отец всегда так говорил, – тихо заметила Ванесса. – Теперь, когда я стала взрослой, я все-таки не понимаю, что это значит. Забавно, не правда ли?

Она вышла из кухни и направилась в музыкальную комнату, чувствуя грызущую боль ниже груди. Прежде чем сесть за пианино, ей пришлось достать из кармана юбки пузырек и проглотить одну таблетку.

Она начала с «Лунной сонаты» Бетховена, играя по памяти сердца, отдаваясь тихой власти музыки. Сколько всего она

переиграла в этой комнате! Час за часом, день за днем. По любви, но большей частью оттого, что так было нужно. К музыке она всегда питала смешанные чувства. С одной стороны, это была серьезная страсть, потребность творить и совершенствовать свое мастерство. Но в то же время над Ванессой довлел долг угодить отцу, который ожидал от нее невиданных достижений. И безуспешно – как она догадывалась.

Он так и не понял, что музыка для нее любовь, а не профессия. Утешение, способ самовыражения, а не средство удовлетворить свои амбиции. Но всякий раз, когда она пыталась объ яснить ему это, она нарывалась на злость и раздражение. Со временем желание разговаривать на эту тему у нее пропало. Известная как страстная и темпераментная артистка, в присутствии отца она становилась покорным ребенком. Она никогда не осмеливалась послушаться его.

Ванесса заиграла Баха и отрешенно закрыла глаза. Больше часа она пребывала во власти красоты и нежности и гениальной музыки. Отец этого не понимал. Он не понимал, что она может играть для себя, для собственного наслаждения, и ненавидит выходить на освещенную сцену и играть для публики.

Затем ее чувства взбодрились, и она перешла к Моцарту, заиграла быстрее и оживленнее. Пылкая, почти неистовая музыка струилась сквозь нее. Когда затих последний аккорд, она ощутила почти забытое удовлетворение.

Аплодисменты у нее за спиной заставили ее резко обер-

нуться. На одном из хрупких стульев сидел мужчина. Несмотря на солнце, слепившее глаза, и двенадцать прошедших лет, она узнала его почти сразу.

– Потрясающе!

Брэди Такер поднялся и подошел к ней. На мгновение его высокая худощавая фигура закрыла солнце, и свет засиял вокруг его головы, точно нимб.

– Изумительно!

Она молча смотрела на него.

– С возвращением, Ван. – Он протянул ей руку.

– Брэди, – пробормотала Ванесса, вставая со стула, а затем вдруг ударила его кулаком в живот. – Ах ты, негодник!

Он со всхлипом плюхнулся на банкетку возле пианино. Этот звук был ей так же сладок, как и музыка. Сморщившись, он поднял голову и сипло проговорил:

– Я тоже рад тебя видеть.

– Как ты здесь очутился?

– Твоя мамочка меня впустила.

Когда он встал, ей пришлось откинуть голову, чтобы заглянуть ему в глаза – в его потрясающие синие глаза.

– Я не хотел мешать и потому присел тут на стульчик. Не ожидал от тебя такого удара.

– Вот и напрасно! – Она была рада, что ей удалось застать его врасплох. Таким образом она хоть немного отплатила ему за ту боль, которую он ей когда-то причинил. Когда она услышала его по-прежнему глубокий обольстительный

голос, ей снова захотелось его ударить. – Она не говорила, что ты в городе.

– Я вообще-то здесь живу. Вернулся год назад.

Ванесса капризно надула губы. Он надеялся, что хоть это в ней изменилось, потому что когда она так делала, то становилась совершенно неотразимой.

– Можно мне сказать тебе, что ты потрясающе выглядишь, или мне лучше защищаться?

Скрывать волнение Ванесса научилась хорошо. Она села, разгладила юбку и разрешила:

– Что ж, валяй.

– Ладно. Ты потрясающе выглядишь. Правда, немного отощала.

Она снова обиженно надула губы:

– Таков ваш диагноз, доктор Такер?

– В общем да, – ответил он, пристраиваясь рядом с ней на банкетке и вдыхая манящий и тонкий, точно лунный свет, аромат ее духов. Ее притяжение было не то чтобы неожиданным, но оно разочаровало его. Пусть они и сидели рядом, она осталась далекой, будто их по-прежнему разделял океан.

– Ты тоже неплохо выглядишь, – сказала она, сожалея, что это правда. Он был худощав и спортивен, как в юности. Его нежное прежде лицо приобрело зрелую мужественность, которая делала его еще более привлекательным. У него были волосы цвета воронова крыла и длинные густые ресницы, а руки такие же сильные и красивые, как и тогда, когда он

впервые коснулся ее. «Сто лет назад», – подумала она, складывая свои руки на коленях. – Мать сказала, что ты работаешь в Нью-Йорке.

– Да, верно. – Он чувствовал себя смущенным, точно влюбленный школьник. Двенадцать лет назад он знал, как себя с ней вести. По крайней мере, ему казалось, что знает. – Я приехал помочь отцу. Он собирается оставить практику через год-два.

– Просто не верится... Ты здесь... А доктор Такер уходит на пенсию...

– Времена меняются.

– Это точно, – согласилась Ванесса, ощущая какую-то детскую неловкость оттого, что они сидят рядом. Она тут же мысленно себя одернула, но тем не менее встала. – Еще мне не верится, что ты врач.

– Пока я учился, мне тоже не верилось.

Она нахмурилась. Брэди был в джинсах, свитере и кроссовках – точно школьник.

– Кстати, и внешне ты не похож на врача.

– Показать тебе стетоскоп?

– Не надо. – Ванесса сунула руки в карманы. – Мама сказала мне, что Джоани вышла замуж.

– Ну да – за Джека Найта. Никого лучше не нашла. Помнишь его?

– Смутно.

– Он на год старше меня. Звезда футбола. Года два он иг-

рал в профессиональной команде, потом получил травму колена и бросил. – Брэди усмехнулся. Щербинка на одном из передних зубов всегда казалась ей очень милой. – А Джоани будет очень рада видеть тебя, Ван. Я бы тоже хотел к ней наведаться. У меня пара пациентов, но к шести я освобожусь. Почему бы нам не съездить куда-нибудь поужинать, а потом к ней?

– Что-то не хочется.

– Почему?

– Потому что в последний раз, когда ты обещал за мной приехать, ты так и не явился.

Он сунул руки в карманы:

– А ты злопамятная.

– А ты как думал?

– Мне было восемнадцать лет, Ван, и у меня были причины.

– Сейчас все это не важно, – отрезала она, чувствуя жжение в желудке. – Я просто не хочу начинать там, где мы закончили.

Он задумчиво взглянул на нее:

– Да я и не собирался...

– Отлично, – поддержала она с внутренней ненавистью. – У нас у каждого своя жизнь, Брэди. Давай оставим все как есть.

Он медленно кивнул.

– А ты больше изменилась, чем я думал.

– Да. Мы оба изменились. – Она поднялась и вышла из комнаты, по пути бросив ему: – Ты помнишь, где тут выход.

– Ага, – ответил он себе, когда остался один. Он помнил, где выход. Но он забыл, что стоит ей надуть губы, и он обо всем забывает.

Глава 2

Ферма стояла на холмах, среди бурых и зеленых полей. Ванесса отметила, как хорошо поднялись травы и как весело зеленеют ростки кукурузы. Три больших квадратных загона были огорожены у коровника. Рядом суетились цыплята, склевывая с земли зерна. Тучные коровы лежали на склоне холма, не беспокоясь шумом подъезжающей машины. Но гуси у ручья испуганно бросились прочь. К дому вела ухаби-стая дорога, посыпанная гравием. Подъехав поближе, Ванесса остановила машину и вышла. Вдалеке пыхтел трактор, поскуливала собака, а вокруг оглушительно щебетали птицы, чьи музыкальные пересуды напоминали ей соседскую болтовню через изгородь.

Отчего-то ее охватило волнение. Это было глупо, но она ничего не могла с собой поделать. Здесь, в этом трехэтажном доме с многочисленными пристройками, кривыми трубами и шаткими крыльцами, жила ее лучшая и самая близкая подруга, с которой она, бывало, делилась всеми чувствами, мыслями, мечтами и разочарованиями.

Но тогда они были детьми. А дети, как известно, существа эмоциональные и впечатлительные – особенно девочки-подростки. Их дружба не успела охладеть сама собой, поскольку произошел внезапный и полный разрыв. И столько воды утекло с тех пор, что надеяться на восстановление прежних

связей и чувств было бы наивно и слишком оптимистично.

Так говорила себе Ванесса, поднимаясь по скрипучим деревянным ступеням крыльца.

Дверь распахнулась. Вид женщины, вышедшей на крыльцо, вызвал в памяти Ванессы целый рой воспоминаний, однако сейчас она не чувствовала ни тени смущения или сожаления, как во время встречи с матерью. «Она совсем не изменилась», – только и могла подумать Ванесса. Джоани как была, так и осталась крепко сбитой брюнеткой с формами, которым Ванесса всегда завидовала. Ее короткие волосы непослушно топорщились вокруг милovidного лица. Черные волосы, голубые глаза и губки бантиком сводили с ума мальчишек в школе.

Ванесса забормотала что-то, неловко подыскивая слова, но Джоани с громким воплем бросилась к ней, и в следующий миг они уже обнимались, щипали и тискали друг друга, и двенадцать лет, разделявшие их, растаяли среди смеха, слез и потока бессвязных слов.

– Да ты ли это? Ты...

– Как я по тебе скучала... слушай...

– Подожди...

– Прости меня... я...

– Да когда я узнала, что ты... – Джоани, покачав головой, вырвалась из объятий подруги. – О боже, как я рада тебя видеть, Ван!

– Поверишь, мне страшно было к тебе заявиться, – сказа-

ла Ванесса.

– Почему?

– Я боялась, что ты вежливо предложишь мне чаю и не будешь знать, о чем со мной говорить.

Джоани достала из кармана скомканный платок и высморкалась.

– А я тоже боялась, что ты приедешь чисто из вежливости – вся в мехах и бриллиантах.

– Свои меха я оставила дома, – усмехнулась Ванесса.

Джоани схватила ее за руку и потащила в дом.

– Пойдем! Может быть, я и правда угощу тебя чаем.

Они вошли в светлую и чистую прихожую, а оттуда в гостиную с диванами блестящего красного дерева, с выцветшей обивкой, ситцевыми занавесками и плетеными ковриками. О том, что в доме есть маленький ребенок, говорили детские зубные кольца, погремушки и мягкие игрушки. Ванесса не сдержалась и взяла в руки бело-розовую погремушку.

– У тебя девочка.

– Лара, – просияла Джоани. – Она просто чудо. Она скоро проснется, и ты ее увидишь.

– С ума сойти, – Ванесса тряхнула погремушку, – ты – мама.

– Я почти привыкла. – Джоани взяла Ванессу за руку и посадила на диван. – А мне не верится, что ты здесь. Ванесса Секстон, концертирующая пианистка и мировая знаменитость.

– Ой, не надо, – поморщилась Ванесса. – Это не я. Она осталась в Вашингтоне.

– Перестань, – рассмеялась Джоани, блестя синими, как у брата, глазами. – Ты – наша гордость. Бывает, промелькнешь в новостях, а в городе только и разговоров об этом. Ты ведь нас прославила.

– Как же, – улыбнулась Ванесса. – А у тебя прелестное гнездышко, Джоани.

– Не понимаю, как это случилось! Я всегда думала, что буду жить где-нибудь в Нью-Йорке, ловить на улицах такси, ездить на бизнес-ланчи, все в таком роде.

– Здесь лучше, – Ванесса откинулась на подушки дивана, – гораздо лучше.

– Теперь я и сама так считаю. – Джоани скинула туфли и спрятала ноги под диван. – А ты, наверное, не помнишь Джека?

– Совершенно не помню. Ты никогда о нем не говорила.

– В школе мы с ним не были знакомы, потому что он учился в старших классах. Ну и вот, сижу я как-то у папы в офисе... Ах да – тогда я работала помощником адвоката в Хагерстауне.

– Чего-чего?

– Это все в прошлом, – отмахнулась Джоани. – Ну так вот: дело было в субботу, а Милли как раз заболела, ну я и пришла помочь папе вместо нее. Помнишь Милли?

– Конечно. – Ванесса улыбнулась, представив себе суро-

вую ассистентку доктора Такера.

– Сижу я, значит, записываю кого-то по телефону, – продолжала Джоани, – и тут вваливается Джек – шесть футов три дюйма роста, двести пятьдесят фунтов веса и ларингит. И этот медведь, жестами, как ковбой индейцу, толкует мне, что нет, мол, он не записан, но ему срочно нужно к доктору. Я и втиснула его между ветрянкой и воспалением среднего уха. Папа принял его и выписал рецепт. А через два часа смотрю – опять он! Сует мне какие-то жухлые фиалки и записку – приглашаю, мол, в кино. Ну как я могла отказать?

– Ты – не могла! – рассмеялась Ванесса. – Добрая душа.

Джоани закатила глаза:

– Ну и вот, не успела я опомниться, как купила свадебное платье и научилась разбираться в видах удобрений. Лучшие четыре года моей жизни. – Она покачала головой. – А теперь расскажи мне о себе. Я хочу знать все!

Ванесса, пожав плечами, ответила:

– Занятия, выступления, переезды – вокзалы, аэропорты, гостиницы. Не так уж это шикарно, как выглядит со стороны.

– То есть тебе надоело встречать на вечеринках звезд Голливуда, играть для королевы Англии и злословить о том о сем с миллионерами?

– Злословить? – подняла брови Ванесса. – Никогда этим не занималась.

– Ты мне весь кайф портишь. – Джоани подвинулась ближе и погладила Ванессу по руке. – Я столько раз представля-

ла себе, как ты вращаешься в самом блестящем обществе.

– Да нет же: я занимаюсь и мотаюсь с концерта на концерт.

– Ладно, – вздохнула Джоани. – Зато ты ничуть не потолстела. Ты ведь четвертый размер носишь, как и раньше.

– Просто у меня тонкие кости.

– Вот погоди, Брэди увидит твои тонкие кости.

– А мы вчера виделись.

– Да ну? И отчего же этот негодник мне не позвонил? – Джоани на секунду задумалась, прижав палец к губам. – Ну и как прошла ваша встреча?

– Нормально. Я врезала ему под дых.

– Что? – Джоани поперхнулась от смеха и закашлялась. –

За что?

– За то, что мы должны были вместе ехать на школьный бал, а он так и не явился за мной. – Ванесса вскочила и зашагала по комнате. – Я очень была на него зла. Он мне весь праздник испортил! А помнишь, как долго мы готовились, выбирали платья?

– Как же такое забудешь?

– Я как раз накануне получила права и даже ездила в Фредерик к парикмахеру. Отец меня предупреждал: не связывайся с ним. Я знала, что он ветреный, но что он так со мной обойдется – этого я и представить не могла.

– Но, Ван...

– Я так разобиделась, что целых два дня не выходила из дому. А еще родители без конца ссорились... Это было ужас-

но. Потом отец увез меня в Европу, на этом все и кончилось.

Джоани закусила губу, будто не решаясь оправдывать брата.

– Понимаешь, ты можешь чего-то не знать.

Ванесса снова уселась на диван и с улыбкой проговорила.

– Теперь все это не важно. К тому же я ему отомстила. Я его довольно больно треснула.

– Жаль, что меня там не было, – усмехнулась Джоани.

– Я и не догадывалась, что он станет врачом.

– Он сам меньше других об этом догадывался.

– Странно, что он до сих пор не женился. Или еще что-нибудь...

– Он все еще холост, но не без всякого, конечно... Как только он вернулся в город, кое-кто из женщин резко захворал и давай к нему нахаживать!

– Еще бы! – фыркнула Ванесса.

– А наш отец-то как рад! Ты его еще не видела?

– Пока нет. Я хотела сначала тебя повидать. – Ванесса жала ей руку. – Очень сожалею о твоей маме – мне только вчера сказали.

– Да, два последних года дались нам нелегко. Мы все чувствовали себя потерянными, особенно папа. – Они помолчали, тесно переплетя пальцы. – Я слышала о твоём отце, и я понимаю, каково тебе пришлось.

– Он долго болел, – ответила Ванесса, – но мы не думали, что это так серьезно – до самого последнего момента не зна-

ли. – Она потеряла ладонью свой ноющий желудок.

На столе затрещал интерком. Послышался всхлип, бульканье, а затем детский лепет.

– Она уже проснулась, – сказала Джоани, вставая с дивана. – Подожди минутку.

Когда она вышла, Ванесса принялась бродить по гостиной, полной домашних, уютных вещей. Здесь были книги по сельскому хозяйству и воспитанию детей, свадебные и детские фотографии и старая фарфоровая ваза, которую она помнила в доме Такеров с детства. Из окна она увидела сарай и коров, дремлющих на солнце. «Как на картинке», – подумала Ванесса. Из книги ее поблекшей мечты.

– Ван?

В дверях появилась Джоани с пухлой темноволосой дочкой на руках. Девочка брыкнула ножкой, и раздался звон колокольчиков, привязанных к шнуркам на ее ботинках.

– Ах, Джоани! Какое чудо!

– Да, – Джоани чмокнула дочку в макушку, – хочешь поддержать?

– Спрашиваешь! – Ванесса подошла к ним и взяла ребенка.

Лара сначала подозрительно посмотрела на нее, а потом улыбнулась и снова дернула ножкой. Когда Ванесса, не удержавшись, подняла ее над головой и закружила, Лара радостно захихикала.

– Видишь, ты ей тоже понравилась, – заметила Джоани. –

Я все время ей говорю, что когда-нибудь она познакомится со своей крестной.

– С крестной? – переспросила Ванесса, опуская Лару.

– Ну да. – Джоани взяла у Ванессы дочку и пригладила ей волосы. – Я же написала тебе, как только она родилась. Но я знала, что ты не сможешь приехать, так что мы просто назвали священнику твое имя, потому что я хотела, чтобы крестными были ты и Брэди. – Заметив непонимающий взгляд на лице Ванессы, Джоани спросила: – Ты ведь получила мое письмо?

– Нет... Я только вчера узнала, что ты замужем – мне мать рассказала.

– Но мы посылали тебе приглашение, – пожала плечами Джоани, – потерялось, наверное. Ты ведь все время в разъездах.

– Ах, если бы я только знала! Я бы приехала, я бы выкрутилась как-нибудь.

– Ну вот ты и приехала.

– Да! Как я завидую тебе, Джоани!

– Мне?

– У тебя чудесная малышка, чудесный дом, а выражение твоих глаз, когда ты рассказываешь о Джеке... У меня такое чувство, что я провела двенадцать лет как в тумане, а ты за это время создала семью, дом и живешь полной жизнью.

– Да мы обе живем полной жизнью, – возразила Джоани, – только по-разному. Я, например, в детстве обзавидо-

валась твоим талантам. Мне хотелось играть, как ты! Но... Помнишь, ты пыталась меня научить играть хоть немного? А потом сказала, что медведя легче научить?

– Но несмотря на это, мы остались подругами, – рассмеялась Ванесса. – И как же я этому рада!

– Ой, я сейчас опять заплачу, – всхлипнула Джоани. – Знаешь что? Поиграй-ка пока с Ларой, а я пойду приготовлю нам лимонад. А потом мы сядем и посплетничаем всласть. Джули Ньютон, кстати, стала толстой как бочка.

– Да ну?

– А Томми Макдоналд совсем облысел. Нет, пойдём-ка лучше со мной на кухню, – Джоани взяла Ванессу под руку, – слишком много мне надо тебе рассказать. Бетти Баумгартнер недавно в третий раз вышла замуж.

– Да что ты?

– Представь себе. И продолжает смотреть по сторонам.

Прогуливаясь тем же вечером на заднем дворе, Ванесса понимала, что ей необходимо о многом поразмыслить – и вовсе не в связи с теми забавными историями, которыми с ней поделилась Джоани. Ей нужно было задуматься о своей жизни и о том, что она хочет с ней делать. Где ей жить. С кем ей жить.

На протяжении десяти лет у нее не было выбора. Точнее, ей не доставало смелости сделать выбор. Она делала то, что хотел ее отец. Он обладал гораздо большей энергией и амби-

циями, и она не хотела его разочаровать. Не смела – подсказывал внутренний голос, но она заглушила его.

Она всем была обязана отцу. Он положил жизнь на ее карьеру. Он взял на себя ответственность. Он формировал ее личность и учил ее. Каждый час, проведенный ею за фортепиано, был и его работой. Даже когда он заболел, он не оставил своих обязанностей. Ни одна мелочь не могла укрыться от его внимания, равно как и ни одна фальшивая нота не ускользала от его придирчивого слуха. Он привел ее к вершине карьеры и грелся в лучах ее славы.

Наверное, ему было нелегко. Сам он бросил выступать как пианист, когда ему не исполнилось и тридцати, поняв, что его идеал недостижим. Музыка была для него всем. И он увидел, как его мечты и стремления реализуются в его единственном ребенке.

Теперь она была готова поставить крест на всем, чего он для нее хотел, над чем работал. Он не смог бы понять ее желания оставить столь блестящую карьеру. Равно как он не понимал и не терпел ее непреходящего ужаса перед выступлениями. Она хорошо помнила эти ощущения даже сейчас, в уютном и тихом дворике. Спазмы в желудке, дурнота, стук в висках – со всем этим ей приходилось бороться всякий раз, когда она выходила на сцену. «Детская болезнь, – утверждал отец. – Ты должна ее перерасти». Но это как раз была одна из тех вещей, которые она не могла для него сделать.

И все же, вопреки всему, она нашла в себе силы вернуться

на концертную эстраду и продолжать выступления. И даже достичь большего – при желании. Вот только она не была уверена, есть ли у нее такое желание.

Может быть, ей просто стоит отдохнуть.

Ванесса присела на качели и слегка оттолкнулась. Несколько недель или лучше месяцев в этой дыре – и она созреет для возвращения. Но сейчас ей хочется только наслаждаться малиновыми сумерками и ничего другого.

Она полулежала на качелях, глядя на их освещенный дом и дома соседей. Недавно они с матерью поужинали на кухне. Ванесса пыталась вести себя прилично, но при всех стараниях едва дотронулась до еды. Лоретта обиделась. Ванесса, конечно, не стала объяснять, что все дни ее не отпускает пустая, сосущая боль в желудке. «Немного потерпеть, и само пройдет», – считала она, списывая обострившуюся чувствительность на внезапный перерыв в работе, из-за чего только и делает, что прислушивается к себе. Она вспомнила, что не занималась уже два дня. Даже если она решила покончить с публичными выступлениями, бросать занятия не имеет права. «Завтра», – сонно подумала Ванесса, закрывая глаза. Мерно покачивались качели. Она плотнее укуталась в куртку. Она забыла, что тут холодает, едва солнце сядет за горы. К дому подъехала машина. Кто-то вышел. Где-то позвали ребенка, заигравшегося на улице. Зажигались огни. Раздался детский плач. Ванессе захотелось вытащить старую палатку, которую они с Джоани ставили на заднем дворе, за-

лезть в нее и заснуть под эти вечерние звуки.

Вдруг совсем рядом залаяла собака. Она повернула голову и увидела большого золотистого ретривера очень яркого окраса. Он пробежал наискосок через соседский газон, перепрыгнул клумбу, где мать уже высадила анютины глазки и маргаритки, и очутился у качелей, свесив длинный язык. Не успела Ванесса испугаться или обрадоваться, как он положил передние лапы ей на колени и разинул пасть в собачьей улыбке.

– Ой, привет, – она потрепала его уши, – ты откуда такой?

– За два квартала сюда прибежал, – ответил ей запыхавшийся Брэди, выходя из тени. – Я по глупости взял его с собой на работу, а когда сажал в машину, чтобы ехать домой, он решил пробежаться. – Брэди остановился напротив качелей. – Можно мне сесть или ты снова меня ударишь?

– Может, и не ударю, – неопределенно ответила Ванесса, продолжая гладить пса.

Тогда Брэди сел рядом и вытянул длинные ноги. Пес сразу же попытался забраться к нему на колени.

– Эй, не подлизывайся, – оттолкнул его Брэди.

– Какой красавец! – восхитилась Ванесса.

– Не надо ему льстить, он и так слишком высокого о себе мнения.

– Говорят, что домашние питомцы похожи на своих хозяев, – заметила Ванесса. – Как его зовут?

– Конг. Он был самым крупным щенком в помете. – Услы-

шав свое имя, Конг дважды гавкнул и побежал гоняться за теньями. – Я избаловал его еще в детстве, а теперь пожиная плоды. – Брэди положил руку на спинку качелей и стал накручивать на палец кончики ее волос. – Джоани говорит, что ты вчера была у нее.

– Да. – Ванесса оттолкнула его руку. – Она выглядит такой счастливой.

– Она и вправду счастлива. – Он как ни в чем не бывало взял ее ладонь и начал перебирать пальцы. Старый, знакомый жест. – Ты видела нашу крестницу?

– Да. – Ванесса отняла у него свою руку. – Прелестный ребенок.

– Ага, – он снова взялся за ее волосы, – похожа на меня.

– Ну, ты от скромности не умрешь, – хохотнула она. – Убери руки, пожалуйста.

– Не получается, – вздохнул он, но все-таки повиновался. – Мы тут часто сидели, помнишь? Здесь я тебя поцеловал в первый раз.

– А вот и нет.

– Да, верно. – Он и сам это хорошо знал. – В первый раз это было в парке. Ты пришла посмотреть, как я бросаю мяч в корзину. А я меткий был стрелок.

– Я случайно мимо проходила.

– Ты пришла, потому что я всегда играл без рубашки, а тебе нравилась моя голая потная грудь.

Она громко расхохоталась – даже чересчур. Отчасти по-

тому, что он был прав. И потому, что он умел рассмешить.

– Грудь как грудь – подумаешь.

– Я хорошо помню тот день, – продолжал он, проводя рукой по ее волосам, и в этот раз она не отстранилась, будто не заметила. – Это было летом, в мои последние летние каникулы – перед выпускным классом. Тогда ты уже почти превратилась из салаги Секстон в секси Секстон и щеголяла с распущенными волосами, в коротеньких шортах, выставляя на всеобщее обозрение свои потрясающие ноги. Негодница. У меня всегда слюнки текли, когда я тебя видел.

– Да ладно, ты вечно пялился на Джули Ньютон.

– Я только делал вид, что на нее смотрю, а на самом деле я смотрел на тебя. И в тот день ты проходила мимо площадки. Наверное, ты ходила в магазин Лестера – в руке у тебя была бутылка шипучки. Виноградной шипучки – как сейчас помню.

– Ну и память у тебя. – Ванесса удивленно подняла бровь.

– Но ведь это знаковые моменты нашей жизни, – возразил он. – И вот ты пришла и говоришь: «Привет, Брэди. Тебе не жарко? Хочешь глотнуть шипучки?» Я чуть мяч не проглотил. Ты первая начала со мной заигрывать.

– Ничего подобного.

– Ты мне глазки строила.

– В жизни никому не строила глазки, – заявила Ванесса и усмехнулась.

– А мне строила, – возразил он, – я же помню.

– А я помню, как ты начал передо мной выставляться – и лейапы, и хуки, и чего только не вытворял. Типичный мачо. А потом как меня схватишь!

– Я помню это. И помню, что тебе понравилось.

– От тебя несло потом, как в спортзале после урока физкультуры.

– Может быть. И все-таки я тебя поцеловал. Это был мой первый поцелуй.

И ее тоже. Она и не заметила, что сидит прислонившись к его плечу и улыбается.

– Мы были так молоды, и все было так просто.

– Вот бы так всегда. – Сидя с ней на качелях и чувствуя ее голову у себя на плече, он мог об этом только мечтать. – Ну – мир и дружба?

– Ладно, уговорил.

– Я так и не спросил тебя, как надолго ты тут удержишься?

– Я пока не решила.

– У тебя, наверное, плотное расписание.

– Мне захотелось отдохнуть. Смотаюсь, может быть, в Париж на пару недель.

Брэди снова взял ее руку и перевернул ладонью вверх. Он любил ее руки – узкие кисти, длинные пальцы, короткие ногти, нежную – точно детскую – кожу. Она не носила колец. Однажды он подарил ей колечко – золотое с крохотным изумрудом. Он истратил на него все деньги, что заработал ле-

том, подстригая газоны. В благодарность она чмокнула его в щеку и поклялась никогда не снимать этого кольца. Наивно было бы полагать, что она сдержит обещание, данное в детстве.

– Знаешь, однажды я слышал тебя в Карнеги-холле. Это было потрясающе. Ты была бесподобна. – К их общему удивлению, он поднес ее пальцы к своим губам. А затем, спохватившись, опустил. – Я хотел с тобой увидеться, когда был в Нью-Йорке, но тебе, я полагаю, было не до встреч со мной.

Словно электрический ток прошел от ее рук по всему телу.

– Надо было позвонить. Я бы нашла время.

– А я звонил. – Он, как ни пытался, не мог отвести взгляда от ее глаз. – Но дальше первой линии обороны я не пробился.

– Извини. Мне правда неудобно.

– Ничего страшного.

– Нет, я правда хотела бы с тобой встретиться. Но люди, окружающие меня, иногда слишком обо мне пекутся.

– Да, наверное, так и было.

Он коснулся ладонью ее шеи под подбородком. Она стала еще красивее. Если бы их встреча в Нью-Йорке состоялась, в менее интимной обстановке, что бы он почувствовал? Признаться, ему не очень хотелось знать. Он просил ее о дружбе. Не стоит добиваться большего.

– У тебя усталый вид, Ван. Ты бледная как смерть.

– Я отпахала сумасшедший сезон.

– Ты хорошо спишь?

– Может, сыграем в доктора, Брэди? – шутливо сказала она, отводя его руку.

– Я бы с превеликим удовольствием, но сейчас я говорю серьезно. Ты выглядишь изнуренной.

– Я всего лишь немного устала – поэтому и решила устроить себе каникулы.

– Почему бы тебе не прийти на прием? – не унимался Брэди.

– Что еще за новости? Раньше это называлось «давай пообжимаемся», – съязвила Ванесса.

– Я поговорю с отцом – пусть он тебя примет.

– Да не нужен мне врач. Я никогда не болею. За десять лет не отменила ни одного концерта. Признаться, я немало понервничала, возвращаясь сюда, но я справлюсь.

Вернулся Конг, и Ванесса наклонилась, чтобы погладить его. Желудок снова болезненно сжался, и она спрятала лицо в собачьей шерсти.

«Упрямая как баран. Всегда такой была», – подумал он. Наверное, будет лучше, если он просто понаблюдает за ней тайком.

– А ты все-таки зайди к отцу – он обрадуется, – предложил Брэди. – Просто повидаться.

– Конечно. Заскочу как-нибудь. – Она подняла голову, и в темноте он уловил знакомый блеск ее глаз. – Джоани говорит, что тебя одолели пациентки. Подозреваю, что с твоим

отцом та же история. Он ведь такой симпатичный.

– А... ну да, верно. У него было несколько интересных... возможностей. Но они все умерли, когда твоя мать... в общем...

Ошарашенная, Ванесса резко выпрямилась:

– Чего-чего? Твой отец и моя мать?

– Ну да... Это самая популярная сплетня в городе. На сегодняшний момент.

– Моя мать? – недоверчиво повторила она.

– А что такого? – пожал плечами Брэди. – Красивая женщина в самом расцвете лет. Почему бы ей не завести роман?

Прижав ладонь к желудку, Ванесса поднялась:

– Мне, пожалуй, пора.

– А что случилось?

– Ничего. Я замерзла – пойду в дом.

Он взял ее за плечи – это был еще один жест, вызвавший в памяти поток воспоминаний.

– Послушай, оставь ее в покое, Ван. Бог свидетель, ей и так несладко пришлось в жизни.

– Ты не знаешь, о чем говоришь.

– Я знаю больше, чем ты думаешь. Хватит, Ван. Старые обиды подтачивают человека изнутри.

– Хорошо тебе говорить! – возмутилась она, не сдержавшись. – Ты жил в счастливой семье. Что бы ты ни натворил, тебя все равно любили. Никто не выгонял тебя из дома.

– Она тебя не выгоняла.

– А, ей было все равно. Какая разница? Наше с ней родство закончилось двенадцать лет назад. Много чего закончилось.

С этими словами она повернулась и пошла в дом.

Глава 3

Ночью Ванесса часто просыпалась от боли в желудке. Она привыкла к этой боли, глушила ее медикаментами, которые ей прописали от мигрени, но чаще всего усилием воли заставляла себя не обращать на нее внимания.

Ей захотелось отправиться в комнату матери. Она встала, дошла до ее двери и даже подняла руку, чтобы постучать, но остановилась и тихо вернулась к себе. Если мать завела любовника – это ее не касается. Но она все-таки обиделась за отца. Все годы, что Ванесса провела с отцом, у него не было женщин. По крайней мере, она ничего такого о нем не знала. Но, в общем, какое это имеет значение? Они всегда существовали каждый сам по себе, хотя и под одной крышей. Хуже было то, что ее мать спокойно жила в этом доме, забыв о своем единственном ребенке. Что она начала жизнь заново, и в этой жизни не было места для ее дочери. «Настало время, – сказала себе Ванесса, – спросить почему».

Внизу пахло кофе и тостами. На кухне мать мыла чашку. На ней был симпатичный голубой костюм, жемчужное ожерелье и серьги. Она напевала себе под нос, слушая тихо играющее радио.

– А, это ты, – с улыбкой обернулась Лоретта, надеясь, что фраза получилась непринужденной. – Я думала, что и не увижу тебя до ухода.

– До ухода?

– Мне нужно на работу. Есть маффины и кофе. Кофе еще горячий.

– На работу? – переспросила Ванесса. – Куда?

– В магазин. – Чтобы занять дрожащие руки, она налила Ванессе чашку кофе. – У меня антикварный магазин. Я купила его шесть лет назад, у Хопкинсов. Я у них работала, ты, может быть, помнишь. А когда они решили продать, я его купила.

Ванесса ошеломленно тряхнула головой:

– Так у тебя свой магазин?

– Ну да – небольшой. – Руки нервно затеребили нитку жемчуга на шее. – Я назвала его «Чердак Лоретты». Глупо, наверное, но мне кажется, что это подходящее название. Я закрылась на два дня, но... Если хочешь, я останусь дома еще на день или два – как скажешь.

Ванесса задумчиво смотрела на мать, пытаясь представить себе ее в роли владелицы магазина, среди своих товаров и бухгалтерских книг. Антиквариат? Разве она когда-нибудь интересовалась антиквариатом?

– Нет, – наконец ответила Ванесса, понимая, что разговор придется отложить. – Иди, если тебе нужно.

– Может быть, ты захочешь взглянуть. У меня есть много разных забавных вещиц, так что заходи. – Лоретта дрожащими пальцами возилась с пуговицами пиджака, который ей никак не удавалось застегнуть. – Ты тут не заскучаешь одна?

– Я привыкла быть одна.

– Да-да, конечно, – затараторила Лоретта, – увидимся вечером, я обычно возвращаюсь к половине седьмого.

– Хорошо.

Ванесса подошла к мойке и повернула кран. Хотелось воды – холодной и чистой.

– Ван.

– Да?

– Я знаю, что годы прошли, но все-таки... Надеюсь, ты дашь мне шанс.

– И я надеюсь, – развела руками Ванесса, – но я понятия не имею, с чего начать.

Лоретта робко, но все-таки без прежнего напряжения улыбнулась:

– И я. Может быть, так и начнем. Я тебя люблю и буду счастлива, если смогу это доказать. – С этими словами она быстро повернулась и вышла.

– Ах, мама, – ответила Ванесса, когда за ней закрылась дверь, – я прямо не знаю, что мне делать.

– Миссис Дрискол, – Брэди похлопал восьмидесятитрех-летнюю старушку по узловатому колену, – у вас сердце как у гимназистки.

– Ах, при чем тут сердце, Брэди, – закудахтала она, – когда у меня все кости ноют и трещат.

– Заставьте своих правнуков пропалывать ваши грядки, и

сразу полегчает.

– Но я уже шестьдесят лет сама обрабатываю свой участок!

– Конечно, ваши помидоры того стоят, но кос тям-то от этого не легче! – заметил Брэди, отстегивая манжету тонометра с руки выше раздутого локтя, пораженного артритом. Здесь он мало чем мог помочь.

Миссис Дрискол учила его во втором классе, двадцать пять лет тому назад. Уже тогда она представлялась ему старейшей жительницей Земли. А ей он, наверное, до сих пор казался малолетним хулиганом, который перевернул аквариум с золотыми рыбками, чтобы посмотреть, как те будут биться на полу.

– Я видел вас выходящей с почты пару дней назад, миссис Дрискол, – он сделал пометку в ее карте, – вы шли без трости.

Она фыркнула:

– Только старики ходят с палками.

– Я вам как врач говорю, что вам уже пора.

Она отмахнулась:

– Ты всегда был грубияном, Брэди Такер.

– Да, но теперь у меня есть медицинский дип лом. И я хочу, чтобы вы пользовались тростью, хотя бы для того, чтобы лупить Джона Хардести, когда он попробует с вами заигрывать.

– Старый козел, – пробормотала миссис Дрискол. – А я буду выглядеть старой козой, скача со своей палкой. Выйди

отсюда, мальчик, я оденусь.

– Есть, мэм.

Он вышел, качая головой. Отправь он ее хоть пешком на Луну, миссис Дрискол ни за что не возьмет палку. Она была из тех немногих пациентов, которых ничем не проймешь и не запугаешь.

Покончив с приемом больных в офисе, он поехал в больницу, чтобы осмотреть еще двоих. По дороге он съел яблоко и несколько арахисовых крекеров – все, что было у него с собой на обед. Редкий встречный не доложил ему о возвращении в город Ванессы Секстон. Эта информация сопровождалась подмигиванием, усмешками, ухмылками и тычками в бок. Таковы уж маленькие города. Все друг о друге все знают. И помнят. Пусть они с Ванессой встречались двенадцать лет назад, но запись о том сохранилась в народной памяти навеки, точно кто-то высек ее в граните, а не только вырезал на дереве в городском парке.

А он забыл о ней. Почти. Вспоминал, только когда в газете мелькало ее имя или фотография. Или когда в руки ему попадались ее диски, которые он покупал, но никогда не слушал. Или когда видел женщину, похожую на Ван, которая так же наклоняла голову и улыбалась. И тогда накатывали воспоминания детства – сладкие и мучительные. Они были почти детьми, стремительно и бесстрашно вступающими во взрослую жизнь. Но то, что было между ними, осталось прекрасным и невинным. Долгие медленные поцелуи в кустах,

горячие обещания, робкие ласки. Странно, что теперь эти воспоминания вызывали такую боль в сердце. В юности их отношения представлялись им великой любовью – потому, наверное, что отец Ванессы запрещал им встречаться. И чем строже он запрещал, тем упорнее они сближались. Таковы все юнцы. А он играл роль рассерженного молодого человека, который противостоит отцу своей возлюбленной, а своему собственному родителю не то чтобы противостоит, но порядочно мотает нервы, угрожает и клянется, как умеют только в восемнадцать лет. Если бы им не мешали, они выдохлись бы через несколько недель. «Врешь, – подумал Брэди с усмешкой. – Ты никого так не любил, как Ванессу в тот год». В тот безумный год ему исполнилось восемнадцать и все казалось возможным.

Они так и не занялись любовью, о чем он ужасно жалел потом, когда она исчезла из его жизни. Впрочем, оглядываясь назад, он понимал, что это было к лучшему. Если бы тогда они стали любовниками, не смогли бы дружить теперь. А именно этого он и хотел, ничего более. По крайней мере, так он себя настраивал. Ему совсем не улыбалось вновь потерять от нее голову.

Может быть, лишь на мгновение, когда он увидел ее за фортепиано, у него перехватило дыхание и участился пульс, но это естественно – ведь она красивая женщина, с которой они когда-то были близки. И если вчера вечером он томился от сильного желания, пока они сидели в сумерках на качелях,

на то он ведь и мужчина. Но он не дурак. Ванесса Секстон больше не его девушка и не будет его женщиной.

– Доктор Такер, – в дверь просунулась голова его ассистентки, – следующий пациент ждет.

– Иду.

– А еще ваш отец просил вам передать, чтобы вы зашли к нему после работы.

– Спасибо.

И Брэди направился в кабинет, гадая, выйдет ли Ванесса вечером во двор, чтобы посидеть на качелях, или нет.

Ванесса подошла к двери дома Такеров и постучала. Ей всегда нравилась Мейн-стрит с ее домашней атмосферой: крашенные крылечки, цветочные ящики на подоконниках, где сейчас буйным цветом цвела герань, на окнах рамы с сетками от насекомых. В детстве ей приходилось наблюдать, как Брэди с отцом снимают зимние рамы и ставят летние. Это был верный знак того, что зима кончилась.

На крыльце стояли два кресла-качалки. Доктор Такер, бывало, сживал здесь летними вечерами, а прохожие останавливались, чтобы пожаловаться ему на здоровье. И раз в год на День поминовения Такеры устраивали пикник у себя на заднем дворе, с гамбургерами и картофельным салатом, куда сходилась весь город посидеть в тени каштанов и поиграть в крокет.

Он был щедрый человек, доктор Такер. Он не жалел ни

времени, ни труда для других. Она помнила, как он громко смеялся густым басом и как осторожны были его руки во время осмотра. Он был добрым духом ее детства. Он утешал ее, когда она расстраивалась из-за родительских ссор. А теперь у него роман с ее матерью. И Ванесса даже не представляла себе, что она ему скажет.

Доктор Такер сам открыл дверь и молча уставился на нее. Он был высок и худощав, как Брэди. Его темные волосы поседелели, но он не выглядел стариком. Он улыбнулся, и его глубокие синие глаза, окруженные морщинами, стали еще глубже.

От растерянности Ванесса даже не успела протянуть руку, а ее уже душили в объятиях, пахнущих одеколоном Old Spice с мятой. «Какой знакомый запах», – подумала она, чуть не плача.

– Ванесса! – гулко басил он у нее над ухом. – Как я рад, что ты приехала.

– Я и сама рада, – ответила Ванесса, в тот момент веря своим словам. – Я по вас скучала, – совсем расчувствовалась она. – Мне вас недоставало.

– Дай-ка я на тебя взгляну. – Он отстранился. – Вот это да! Эмили всегда говорила, что ты будешь красавицей.

– Ах, доктор Такер, как мне жаль миссис Такер.

– Да, нам всем ее жаль, – сказал он. – Она тебя очень любила – все заметки о тебе собирала. Думала, ты станешь ей невесткой. «Хэм, – скажет, бывало, – эта девочка как раз для

нашего Брэди – с ней он бросит дурить».

– Он, кажется, и так бросил.

– Да, почти. – Обняв ее за плечи, он повел ее в дом. – Как насчет пирога и чая?

– С удовольствием.

Пока он заваривал и разливал чай, она сидела за столом на кухне. В его доме все осталось по-прежнему. Как и при Эмили, повсюду были чистота и порядок, все блестело и сверкало. Коллекции безделушек, дорогих Эмили, как и раньше, занимали все свободное место в доме. Кухонное окно выходило на задний двор, с тенистыми деревьями и цветущими нарциссами. Дверь справа вела в рабочую половину, где находились кабинеты для приема пациентов. Единственную перемену представляла собой сложная система телефонов и интеркомов.

– Миссис Лири печет лучшие в городе пироги, – сказал доктор Такер, отрезая толстые ломти шоколадной меренги.

– И до сих пор платит вам ими, – заметила Ванесса.

– Хм. Но они же на вес золота. – Он довольно вздохнул и сел за стол напротив Ванессы. – Наверное, мне не стоит говорить, как мы все тобой гордимся.

– Жаль, что я раньше не приезжала. Я понятия не имела, что Джоани вышла замуж. И родила ребенка. – Ванесса взяла чашку, впервые со дня своего приезда чувствуя себя спокойно. – Лара – такая миленькая.

– Кроме того, она очень смышленная, – подмигнул доктор

Такер. – Я, может быть, не могу судить объективно, но смышленее ребенка я не видел. А уж детей я повидал.

– Надеюсь, мы будем с ней часто видаться, пока я здесь. То есть со всеми вами.

– Ты к нам надолго?

– Не знаю. Я пока об этом не думала.

– Твоя мать только об этом и говорит.

Ванесса откусила кусочек пирога.

– Она, оказывается, открыла антикварный магазин. Вот так сюрприз! Никогда не могла представить ее в роли деловой женщины.

Трепет в желудке вынуждал ее говорить и есть с опаской.

– Она хорошо справляется. Я знаю, что твой отец недавно умер.

– Да, от рака. – Ванесса поежилась. – Ничем нельзя было помочь... С ним было трудно. Он отказывался признавать себя больным – всю жизнь ненавидел слабость.

– Знаю. – Доктор Такер тронул ее за руку. – Надеюсь, ты научилась быть с ними более терпеливой.

Излишним было бы объяснять, кого он имеет в виду.

– Нет, не то чтобы я ненавидела свою мать, – со вздохом произнесла Ванесса, – но я плохо ее знаю.

Видно было, что ее ответ ему понравился.

– Ну а я получше. Ей в жизни нелегко пришлось, Ван. За каждую ошибку она не просто платила, она расплачивалась втройне. А что до тебя – так она тебя любит и всегда любила.

– Но почему она меня отпустила? – Сердце у нее привычно сжалось.

– Об этом ты сама должна у нее спросить. А она пусть ответит.

– Я чувствую себя как в детстве, – вздохнула Ванесса, – когда я приходила поплакать у вас на плече.

– Плечи для этого и нужны. Я часто тешил себя иллюзией, что у меня две дочери.

Ванесса заморгала, прогоняя слезы, и отхлебнула спасительного чая.

– Так оно, наверное, и было. Доктор Такер, вы ее любите?

– Да. Это тебя огорчает?

– Вообще-то не должно...

– Но?

– Мне трудно это принять. Я всегда считала вас с миссис Такер образцовой парой, и я верила, что это навсегда. А мои родители... как бы несчастливы они ни были всю жизнь...

– Все-таки оставались твоими родителями. И ты знала, что это тоже навсегда.

– Да, – сказала она с облегчением, благодарная ему за то, что он ее понимает. – Пусть это глупо, нелепо...

– Но как уж есть, – закончил он вместо нее. – Мое милое дитя, на свете чего только не бывает. Мы с Эмили прожили в браке двадцать восемь лет, и я думал, что мы проживем еще столько же, но это не было суждено. Пока мы были вместе, я любил только ее. Нам повезло – наши чувства мало меня-

лись со временем. Когда она умерла, я подумал, что эта часть моей жизни навсегда ушла в прошлое. Твоя мать была ближайшей подругой Эмили, и в течение многих лет я ее только так и воспринимал. А затем она стала и моим ближайшим и дражайшим другом. Думаю, Эмили была бы довольна.

– Я слушаю вас и чувствую себя ребенком.

– Для родителей ты всегда останешься ребенком. – Он взглянул на ее тарелку. – Что это ты? Блюдешь фигуру?

– Нет, – усмехнулась Ванесса, – аппетит пропал.

– Я не хотел показаться тебе старым занудой, но должен заметить, что ты слишком худа. И Лоретта мне говорила, что ты почти совсем не ешь. И плохо спишь.

Ванесса удивленно подняла бровь. Мать, оказывается, заметила.

– Это все от нервов. За прошедшие два года я сильно вымоталась.

– Когда ты в последний раз была у врача?

– Вы говорите как Брэди! – рассмеялась Ванесса. – Со мной все в порядке, доктор Такер. Концертная деятельность держит в тонусе. Это просто нервы.

Он кивнул, подумав, что за ней стоит присмотреть.

– Надеюсь, кстати, что ты мне сыграешь.

– Да, я разыгрываю новое пианино. Мне нужно быстрее возвращаться, а то я уже несколько дней бью баклуши и не занимаюсь.

Когда она поднялась, чтобы идти, вошел Брэди. Увидев

Ванессу, он внутренне разозлился. Мало ей, что она не выходит у него из головы, так она еще и на кухню к нему явилась! Он молча кивнул ей и уставился на пирог.

– Ага, несравненная миссис Лири. Вы мне оставите хоть кусочек?

– Между прочим, миссис Лири моя пациентка, – ответил доктор Такер.

– Он никогда со мной не делится, – заметил Брэди и сунул палец в меренгу на тарелке Ванессы. – Ты хотел меня видеть? – обратился он к отцу.

– Это ты просил меня посмотреть карту миссис Крэмpton. Я там кое-что дописал. – Хэм указал на папку, лежавшую на подоконнике.

– Спасибо.

– У меня сегодня еще есть дела, так что я ухожу. – Взяв Ванессу за плечи, доктор Такер звонко чмокнул ее в щеку и сказал: – Заходи почаще.

– Хорошо, спасибо.

Ее не нужно было уговаривать.

– Пикник через две недели, мы тебя ждем.

– Я обязательно буду.

– Брэди, веди себя прилично, – напутствовал доктор Такер сына, уходя.

Когда дверь за ним закрылась, Брэди усмехнулся и заметил:

– Он все боится, что я затащу тебя на заднее сиденье моей

машины.

– Но я там уже побывала.

– Да, точно, – пробормотал он. Это воспоминание заставляло его нервничать. – Тебе кофе?

– Я пью чай.

Он с ворчанием открыл холодильник и взял оттуда пакет молока.

– Молодец, что пришла навестить его. Он тебя обожает, ты знаешь.

– Взаимно.

– Ты будешь есть пирог?

– Нет, я... мне пора.

– Да ладно, не торопись. – Он сел за стол, набил рот пирогом и налил себе огромный стакан молока.

– Я смотрю, ты как был обжора, так и остался.

– Это называется «здоровый аппетит», – довольно прочавкал Брэди.

Картина была поистине умиротворяющей – Брэди, сидящий за столом и уминающий пирог за обе щеки. Он сказал, что они друзья. Что ж, может, это неплохо.

– А где твой пес?

– Остался дома. Вчера он разрыл отцу грядку с тюльпанами и за это сегодня наказан.

– То есть ты здесь больше не живешь?

– Нет. – Он поднял голову и едва удержался от стога: она стояла у окна, в волосах ее запуталось солнце. Легкая улыбка

ка крылась в уголках ее полного серьезного рта. В блузке и брюках строгого покроя она выглядела мягче и более женственно. — Я... это... — он протянул руку к пакету с молоком, — я купил участок земли за городом. Строю дом. Медленно, правда, но крышу уже возвели.

— Ты сам строишь дом?

— Не то чтобы сам... Мне ведь некогда. В лучшем случае успеваю забить пару гвоздей в неделю. Я нанял рабочих. Съездим как-нибудь с тобой посмотреть?

— Может быть.

— Поехали сейчас. — Он встал, чтобы сложить грязную посуду в мойку.

— Ой, нет... мне нужно домой.

— Зачем?

— Я должна заниматься.

Он повернулся, их плечи соприкоснулись.

— Потом позанимаешься.

Они оба понимали, что это вызов, и каждому хотелось доказать себе, что они могут спокойно находиться рядом и прошлое не имеет над ними власти.

— Хорошо, но я поеду в своей машине, чтобы тебе не пришлось потом отвозить меня домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.